

Три мужа в гостях у Авраама однозначно понимаются Паламой как явление Троицы: «Вот, единый Бог — три ипостаси, и три ипостаси — единый Бог» (Col. 132 A). Это понимание имело существенное значение для развития иконографии «Троицы» в православном мире и получило свое предельное художественное воплощение в «Троице» Андрея Рублева.

Исаак, послушно пошедший на заклание, традиционно осмысливается Григорием как «образ (τύπος) Пригвожденного», а в самом жертвоприношении Авраама он видит предзнаменование «тайны Креста» (Ibid.).

«Вход» Христа в Иерусалим на осле осмысливается Паламой как «знак его смирения и скромности» (Col. 184 C). Знаком (σημεῖον) истинных последователей Христа является любовь, которую он оставил им в качестве своего наследия (Col. 188 B). Святые представляются Григорию образами добродетели, вестниками всего прекрасного (Col. 353 D) и т. п.

У Николая Кавасилы нередко встречаются толкования различных символов, в частности символов Священного писания. Многочисленность символических образов в священных текстах он объясняет неизреченностью и неизобразимостью божественного человеколюбия, его сверхразумного единения с любящими его (Ibid. Т. 150. Col. 497 BC). Жизнь верующего состоит в подражании Христу, считает Николай, и указывает на три типа этого акта: подражание в образах, в символах и в самих делах. Образно-символическое подражание он усматривает в Ветхом завете, теперь же настало время дел, т. е. деятельного следования заповедям Христовым (Ibid. Col. 557 C, 560 A). {442}

Файл byz3_443.jpg

*Христос и пророки. Начало XIV в
Стамбул, Фетхие Джамии. Мозаика в куполе*

Помимо всяких наук и любомудрия, писал Кавасила, «есть некое непосредственное ощущение Бога, когда луч от него невидимо касается самой души». Символ этого луча он видит в «светлости», сопровождающей таинство крещения, в множестве светильников, светлых одеждах, ликующих песнопениях и гимнах (Ibid. Col. 565 B).

Эта, условно говоря, экзегетическая символика в целом была характерна для всей истории византийской культуры. В рассматриваемый период, однако, не она занимала главное место в умах ригористически настроенного в целом духовенства, главных церковных теоретиков. Перед реальной угрозой православию и со стороны католичества, и со стороны мусульманства основное внимание его защитников было направлено на *сакральный* (как центральный) аспект всех духовных феноменов, в том числе и символов. На первый план теперь выдвигается *литургический образ*, или *сакральный символ*, который не только обозначает и выражает архетип, но и наделен его силой, энергией. Наиболее подробно об этом типе символов писал Симеон Солунский (ум. 1429), но и другие отцы XIV—XV вв. уделяли ему внимание.

Николай Кавасила считал, что подобной символикой обладают церковные таинства, приобщающие человека «к жизни во Христе». Так, крещение {443} есть некая печать, или образ, ибо напечатлевает в душах принявших его образы смерти и воскресения Спасителя (Ibid. Col. 525 AB).

Симеон Солунский посвятил церковным таинствам специальное сочинение, в котором при их описании, с одной стороны, регулярно использует понятия *знак*, *образ*, *символ*, *изображает*, *знаменует* и т. п., а с другой — настойчиво подчеркивает их сакральную значимость, т. е. их принципиальную вынесенность за пределы чисто семиотического отношения. В таинствах, полагает он, через людей действует сам Бог. Так, миропомазание, по Симеону, «знамение (σημείωσις) и печать Христова, одновременно заключает в себе «силу Св. Духа», его благоухание (Ibid. Т. 155. Col. 177 C). Елей, входящий в мир, «знаменует» (σημαίνει) наше спасение, является «образом» (τύπος) божественной милости (Ibid. Col. 205 C), ее символом (σύμβολον); остальные ароматические компоненты мира «являются образом божественных даров» (Col. 244 B). Миропомазание — это печать Св. Троицы; кто не помазан, тот не запечатлен, не обозначен (αἰὶ σημεῖωτοι) для Христа. Мир обладает силой освящения.

Крещение, по Симеону, имеет много значений, «но преимущественно оно изображает смерть Христа и его тридневное воскресение» (Ibid. Col. 221 C). Одновременно принимающий крещение являет собой падшего Адама, а крестящий его иерей изображает (εἰκτιλοῖ) самого Христа и имеет в себе его силу (Ibid. Col. 215 BC). Велико и непостижимо это таинство: «ангелы предстоят здесь, Христос изображается водами, Св. Дух нисходит» на принимающего крещение, превращая его из нечистого в чистого (Col. 224 C). Крест в этом таинстве изображает